

Максим Горький

Товарищи

I

Горячее солнце июля ослепительно блестело над Смолкиной, обливая её старые избы щедрым потоком ярких лучей. Особенно много солнца было на крыше старостиной избы, недавно перекрытой заново гладко выстроганным тёсом, жёлтым и пахучим. Воскресенье, и почти все люди вышли на улицу, густо поросшую травой, усеянную кочками засохшей грязи. Перед Старостиной избой собралась большая группа мужиков и баб: иные сидели на завалине избы, иные прямо на земле, другие стояли; среди них гонялись друг за другом ребяташки, то и дело получая от взрослых сердитые окрики и щелчки.

Центром толпы служил высокий человек с большими, опущенными вниз усами. По его коричневому лицу, покрытому густой сивой щетиной и сетью глубоких морщин, по седым клочьям волос, выбившимся из-под грязной соломенной шляпы, — этому человеку можно было дать лет пятьдесят. Он смотрел в землю, и ноздри его большого хрящеватого носа вздрагивали, а когда он поднимал голову, бросая взгляд на окна

старостиной избы, видны были его глаза, большие, печальные, — они глубоко ввалились в орбиты, а густые брови кидали от себя тень на тёмные зрачки. Одет он был в коричневый, рваный подрясник монастырского послушника, едва закрывавший ему колени и подпоясанный верёвкой. За спиной у него котомка, в правой руке длинная палка с железным наконечником, левую он держал за пазухой. Окружавшие осматривали его подозрительно, насмешливо, с презрением и, наконец, с явной радостью, что им удалось поймать волка раньше, чем он успел нанести вред их стаду.

Он проходил через деревню и, подойдя к окну старосты, попросил напиться. Староста дал ему квасу и заговорил с ним. Но прохожий отвечал, против обыкновению странников, очень неохотно. Староста спросил у него документ, документа не оказалось. И прохожего задержали, решив отправить в волость. Староста выбрал в конвоиры ему сотского и теперь, в избе у себя, напутствовал его, оставив арестанта среди толпы, — она грубо потешалась над ним.

Но вот на крыльце избы явился подслеповатый старик с лисьим лицом и седой, клинообразной бородкой. Он степенно опускал ноги в сапогах со ступени на ступень, и круглый его животик солидно колыхался под длинной ситцевой

рубахой. А из-за его плеча высовывалось бородатое четырёхугольное лицо сотского.

— Понял, Ефимушка? — спросил староста у сотского.

— Чего тут не понять? Всё понял. Обязан, значит, я проводить этого человека к становому и — больше никаких! — Проговорив свою речь отдельно и с комической важностью, сотский подмигнул публике.

— А бумага?

— А бумага, — она за пазухой у меня живёт.

— Ну, то-то! — вразумительно сказал староста и добавил, крепко почесав себе бок:

— С богом, значит, айдайте!

— Пошли! Шагаем, что ли, отче? — улыбнулся сотский арестанту.

— Вы бы хоть подводу дали, — глухо ответил тот на предложение сотского. Староста ухмыльнулся.

— Подво-оду? Ишь ты! Вашего брата, проходимца, много тут шныряет по полям, по деревням... лошадей про всех не хватит. Прошагаешь и пехтурой.

— Ничего, отец, идём! — ободряюще заговорил сотский. — Ты думаешь, далече нам? Дай бог, два десятка вёрст! Мы с тобой, отче, живо докатим. А там ты и отдохнёшь...

— В холодной, — пояснил староста.

— Это ничего, — торопливо заявил сотский, — человеку, который ежели устал, и в тюрьме отдых. А потом — холодная-то — она прохладная, — после жаркого дня в ней куда хорошо!

Арестант сурово оглянул своего конвоира — тот улыбался весело и открыто.

— Ну-ка, айда, отец честной! Прощай, Василь Гаврилыч! Пошли!

— С господом, Ефимушка!.. Смотри в оба.

— А зри — в три! — подкинул сотскому какой-то молодой парень из толпы.

— Н-ну! Малый я ребёнок, али что?

И они пошли, держась близко к избам, чтобы идти по полосе тени. Человек в рясе шёл впереди, развинченной, но спорой походкой привычного к ходьбе. Сотский, со здоровой палкой в руке, сзади него.

Ефимушка был мужичок низенького роста, коренастый, с широким добрым лицом в раме русой, свалявшейся в клочья бороды, начинавшейся от его серых ясных глаз. Он всегда почти улыбался чему-то, показывая жёлтые зубы и так наморщивая переносье, точно он хотел чихнуть. Одет он был в азам, заткнув его полы за пояс, чтоб они не путались в ногах, на голове у него торчал тёмно-зелёный картуз без козырька, напоминая арестантскую фуражку.